

— Мы с тобой не виделись два года, встретились уже в какой-то новой жизни, в которой не очень понятно, кто мы. Скажи, пожалуйста, кто мы теперь — эмигранты, релоканты? Наш общий друг Вася Обломов считает, например, что он сейчас находится в командировке.

— Я уже не первый раз меняю место жительства. Я до этого времени пожил в разных странах, и в данном случае эта перемена была вынуждена, в этом её отличие. То есть, все предыдущие я приезжал либо учиться, либо на стажировку, либо какие-то ещё приятные обстоятельства. Здесь эти обстоятельства, конечно, были непростыми. Но я считаю, что человек имеет право жить в любом месте на земном шаре, если он уважительно относится к тому месту, где он живёт. Это у меня не трагическая перемена участи. Война — это как раз причина трагической перемены участи у украинцев. У меня нет такого масштаба трагедии, какая есть у людей, безвинно попавших в жернова этой катастрофы. Я не имею права жаловаться, мне вообще грех жаловаться на что бы это ни было.

— Скажи, есть ли какая-то вероятность, что наступит время и мы приедем в Россию?

— Исключать, конечно, ничего нельзя, и, возможно, это время настанет, я просто пока не вижу проблесков этого времени. На горизонте вообще у меня нет никаких признаков. Не за что уцепиться, я не вижу никаких предпосылок для того, чтобы эта война закончилась. Я не понимаю, как она может закончиться, потому что понятно, что это какое-то бесконечное чудовищное кровопролитие, бойня, которая вошла в хроническую стадию, и я не вижу никакого выхода из этой хронической стадии. У меня есть ощущение, что тот, кто будет после Путина, будет хуже Путина. Самое важное — это то, что меня такая оторопь охватила в начале войны, до какой степени этот патриотический вирус безумия охватил страну и упал на благородную почву, что дело даже не в Путине вообще. Дело в том, что последствия этой вот крупномасштабной вирусной обработки всей страны, нужно будет расхлёбывать, я даже не знаю, сколько лет, поколение, похоже, что понадобится. Но опять мне мои друзья тут же возражают: а ты помнишь Манежную площадь, когда миллион людей вышел в девяносто первом году? Никто же не ожидал, что вот так вот оно — раз и случиться. Но на это я отвечаю, что к этому моменту уже телевидение было давным-давно другим, к этому моменту были уже и «Московские новости», и журнал «Огонёк», и программа «Взгляд», и даже «До и после полуночи», которые тоже вносили свою лепту. К этому моменту уже из всех магнитол ревел Цой, и группа «Алиса», и «Наутилус Помпилиус», это всё подготавливало почву. Сейчас ничего этого нет, почва не то что не подготовлена, она чавкает под ногами кровью.

— У меня к тебе профессиональный вопрос. Смотри, мы уже находимся в эмиграции практически два года. И всё-таки расстояние это очень важно, и не всё можно понять с помощью интернета. Надо чувствовать атмосферу, многие уже не очень понимают, что там происходит в реальности. Но мы с тобой журналисты, и это огромная проблема.

— Такая сложность есть. Значит, что делаю, я жадно глотаю любые детали в личном общении с теми людьми, которые оттуда приезжают и которые туда уезжают. Я практически с каждым человеком, который в моём окружении на какое-то время уезжает в Москву или к себе домой, я стараюсь с ним поговорить и задаю ему вопросы не для интервью. Просто в кафе посидеть кофе попить. Вот недавно так с Кортневым получилось. Я выступал на Кипре, и они выступали тоже в это же время, и очень много я подчеркнул у него.

— Что он рассказывает?

— Ну, он рассказывает в такой увлекательно-приключенческой манере об охоте, которая на него ведётся. О том, как в общем «Несчастный случай» прекратил уже полноценное существование, потому что кто-то уехал, кто-то предпочёл другими вещами

заниматься, но они периодически играют. Один из самых увлекательных его рассказов — история, как они отметили 30 лет группы секретным подпольным концертом в одном очень известном клубе в Москве, который по секрету им сказал: значит, мы вывесили афиши, нас их заставили снять, концерт отменяют. Но мы его все равно проведем, просто афиши не будем дальше вывешивать, а по всему списку пройдемся и каждому подтвердим, что концерт состоится. Вот такого масштаба закрытое мероприятие.

— Есть ещё такая болезненная вещь, когда читаешь новости из России — про концерты, выставки, спектакли. Чувствуешь себя немножко идиотом, потому что там ведь всё это продолжается, а мы уехали. Более того я постоянно вижу, как многие мигранты спокойно катаются туда, всякие дела делают, и всё это очень странно. Вроде бы всё у людей в порядке. А я как принципиальный дурак взял и оборвал все свои связи. Может быть, мы всё-таки ошиблись, всё же нормально?

— Я не могу сказать за тебя, я не ошибся. У меня нет в этом никаких сомнений. Я очень боялся, что эти сомнения появятся у меня в семье, потому что основная угроза была связана с моей профессиональной деятельностью, но нет, они точно так же уверены в том, что мы поступили правильно. Мы же поступили так потому, что в нашем самосознании невозможно по совести жить в стране, которая совершает такое запредельное адское зло, мы с этим несовместимы. Другое дело, что тут же возникает вопрос: а до этого вы совместимы были? когда сажали, когда разгоняли, когда вот это всё? Да, до этого казалось, что ещё можно каким-то образом выкрутить и как-то можно спасти страну, а в этот момент свет исчез вообще. И единственным выходом я для себя увидел только расставание со страной, которую я очень люблю. Но она в заложниках она захвачена всё то, что я любил, сейчас в руках отвратительных мерзавцев. И я далёк от того, чтобы экстраполировать этот мой радикальный поворот и следование вот таким вот принципам на всех остальных. Тут каждый выбирает для себя. У меня есть среди моих друзей самые разные варианты существования. Есть те, кто уехал и не возвращается, и не вернётся. Судя по всему, есть те, кто живет на две страны. Есть те, кто живет уже давно в другой стране, но нет-нет, да ездят. Очень много людей ездят для того, чтобы закрыть какие-то дела, чтобы сделать новый паспорт, похоронить родственников. Ну, есть, например, среди моих знакомых мой приятель промоутер, который исповедует антивоенные убеждения, но открывает в Москве мюзикл сейчас. Это вызывает у меня серьезные вопросы, как это вообще может укладываться, но он улыбается и отвечает мне: людям тоже нужно чем-то жить.

— Представь себе ситуацию, в которой, скажем, уехавший Бродский в Питере сдаёт свою квартиру и приезжает время от времени выступать.

— Да это тяжело представить. Но никогда в те времена мы не были опутаны такой паутиной связей, нитей и каких-то различных форм сосуществования. Мне это не представляется возможным для себя, но я не готов осуждать тех, кто у кого жизнь вот таким вот образом сейчас сложилась.

— Мне лично казалось в прошлом году в марте, что старый мир умер, что его просто нет больше, и надо уехать, чтобы начать новую жизнь, чтобы не иметь ничего общего со всей этой гадостью. А он не умер.

— Нет, умер твой конкретный мир. Твой вот этот вот фарфоровый или какой-то прекрасный кувшин, который составлял твой круг общения, круг существования. И для меня точно так же этот кувшин разлетелся на осколки, его больше нет. Он никогда не будет таким, каким был, он будет собираться по кусочкам, по чуть-чуть, где-то, в какой-то момент, где появятся два-три человека из твоего прошлого. Вот сейчас этот кувшинчик, чуть-чуть, часть его собралась на Кипре, потому что там был Лёша Кортнев и Серёжа Чекрыжов и ещё пара наших друзей, такой кусочек этого кувшина. Но остальная часть его осколками разлетелась по всему свету и частично она остается в Москве. Там же куча моих друзей остаётся, и с ними у меня идут ночные полемики тяжёлые и болезненные порой

— А давай поговорим немножко о музыке. Скажи мне пожалуйста как эксперт по части музыкального бизнеса: все-таки уехавшие русские группы, они ведут полноценную жизнь сейчас или же прозябают? Эмигрантский шоу-бизнес, он в принципе есть или всё это пока что не особенно серьёзно?

— Думаю, что он существует. Нельзя обобщать, но у многих музыкантов, радикально переменивших свою участь, дела идут очень неплохо. Для многих это в отношении размеров площадок откат на несколько лет назад, то есть группы, которые собирали тысячники, сейчас собирают в основном 500 человек, 300. Может быть, группы не могут безбедно существовать, как они существовали в России последних десятилетий, но выживать точно могут. И есть куда стремиться, есть что делать. Аудитория русскоязычная, которой эта музыка нужна и важна, возросла многократно. И не только по Европе, посмотри на концертную афишу какого-нибудь Пхукета, каждый артист считает своим долгом туда съездить. Я испытываю дикое уважение к этой плеяде музыкантов, которые выпрыгнули из этого самолёта и приземлились на абсолютно неизведанной территории. И каждый раз, когда я задаю себе вопрос, почему тот или иной мой любимый артист не принял такого решения и остаётся в России, каждый из них говорит о том, что моя аудитория здесь, что тем людям, которые приходят на мои концерты, им легче станут во время моих спектаклей или концертов. Но в этом, конечно, есть глубинный страх, что шагнёшь, а там темнота и неизвестность. Вот я на вскидку себе самому назвал целый ряд артистов, у которых, как мне кажется, эти страхи сильно преувеличены и которым нечего бояться, если бы они предприняли такую радикальную перемену участи. Но они её не предпринимают и остаются в России

— То есть дело не в эмиграции, а в том, что люди просто боятся менять свою жизнь?

— Именно так.

— Люди боятся уехать, люди боятся менять свою жизнь, менять власть. Это явления абсолютно одного порядка.

— Я согласен с тобой, но я не могу предъявить упрёк кому бы то ни было — почему ты боишься менять власть. Потому что это, мягко говоря, не способен сделать один человек, способно только большое объединение людей. Я в первую очередь говорю не о тех людях, у которых нет такой возможности. А их всё равно большинство. Ошибочно предполагать, что у среднестатистического человека недовольного Путиным, властью и войной, есть какой-то шанс покинуть страну. Нет у многих нет даже паспортов, есть много людей, которые никогда не выезжали дальше Анталы, у них нет запасных аэродромов, никакого представления, как они будут востребованы. И к этим людям никаких вопросов нет, они уходят во внутреннюю эмиграцию, замыкаются, молчат и обрекают себя на вот это тяжёлое, психологически зависимое существование. Но у моих друзей у многих есть такая возможность! У них есть эти деньги, у них есть дело в руках, которым они могут заработать на жизнь. И они всё равно боятся пожертвовать тем уровнем комфорта, в котором они существуют.

— Да в том-то и дело, что есть очень много людей, у которых риски заключаются не в том, что их могут посадить или что-то ещё сделать, а просто в том, что они потеряют немножко денег. Вот все эти вещи людям очень важны, люди не готовы поступиться ничем. Мы сейчас находимся, мне кажется, в такой ситуации, в которой потери неизбежны, и это надо просто принять.

— Это приняли быстро те, кто уехал, и не приняли те, кто остался. Они не готовы к этим потерям, и когда я им говорю, что путь компромиссов и договорённостей с самим собой неизбежно ведёт к трагедии личной, они не верят и сопротивляются. Говорят, что нет, со мной такого не будет. Тебе пока запрещают говорить, но позволяют петь свои песни или произносить свои тексты со сцены. На следующем этапе ты будешь петь песни, которые они тебе скажут, и тексты произносить, которые они тебе напишут. А на финальном этапе ты будешь просто где-то там, в хоре, и песни будут только те, которые

нужны власти. И ты будешь им подпевать бодро, ещё будешь благодарить их за то, что они дают тебе возможность подпевать в третьем ряду крайним справа. Это же на наших глазах происходит. Каждый месяц мы видим, как через колено ломаются очередные звёзды, очередные артисты, у которых, казалось, есть убеждения, от которых они вынуждены отказываться. Это неизбежность, и меня немножко удивляет, почему эти артисты не могут увидеть, что это неизбежность, и предпринять что-то по этому поводу. Но очень сложно бить в колокола в такой ситуации.

— Есть те, кого заставили, унизили, переломили через колено, как ты правильно сказал, а есть же откровенные мерзавцы, пропагандисты режима, абсолютно милитаризованные артисты. Как тебе кажется, если или когда вся эта история закончится и наступят хорошие времена, ну предположим, они понесут какое-то наказание? Просто смотри, есть же конкретные люди, их, правда, очень много, не 150 миллионов, конечно, но миллиона три точно, которые превратили мою страну в преступную организацию. Что с ними будет? Им это просто так сойдет с рук? Ты в принципе веришь в идею возмездия?

— Не верю я в возмездие. Я думаю, что большинство из этих людей никогда не понесут никакого наказания. С чем мы можем сравнивать? Мы можем сравнивать с последствиями Третьего рейха. Как показывает история, многие скрываются их, никто не находит до конца дней своих. Очень немногие приходят к состоянию покаяния, раскаяния, исповеди. Я, конечно, далёк от того, чтобы призывать к мести, расстрелам или посадкам. Но в идеальном моём представлении это «Механический апельсин» Стэнли Кубрика, когда ты сажаешь человека перед экраном, показываешь надгробия тех парней, о которых ты не думал в тот момент, когда ты бил себя в грудь и орал про великую родину, про империю, про исторический контекст, всю эту хрень. Я бы еще привёз их на кладбище в Украину и заставил руками засыпать землёй могилы. Тогда, может быть, до них дойдет, почему они преступники и совершили самое чудовищное злодеяние в истории человечества. Но этому не суждено сбыться. Увы, я в это не верю, к сожалению. Я думаю, даже Нюрберг не будет в этот раз или Гаги условно не будет. Они все сдохнут где-нибудь в бункерах, мы не будем даже знать, когда и как, сколько их там было, этих двойников и мутантов. И потом на скамейку подсудимых в Нюрнберге сели не солдаты, а те, кто придумал это всё, архитекторы этого апокалипсиса. А обыватель не доходит до этих скамеек в Нюрнберге. Они видят какой-то белый дым на горизонте и даже догадываются, что, наверное, это жгут людей, но не хотят признавать это.

— Да всё они прекрасно знают. Хорошо, что ты произнес это слово, обыватель. Мне кажется, у нас не получится вернуться ещё по этой причине: я не представляю, как мы станем жить в одном подъезде, ездить в одном метро с людьми, которые ещё недавно кричали: «Убей украинца!». Они же никуда не исчезнут. Невозможно под суд отдать полстраны, всё это рано или поздно закончится, а эти люди останутся.

— Да, в одном вагоне метро с тем, кто кричал «убей», наверное, невозможно, а с теми, кто говорил: ну, всё-таки не всё так однозначно — с ними придётся ездить и рано или поздно пытаться наладить диалог. Услышать их аргументы и донести до них свои: что нет, все было однозначно, вот чёрное, вот белое, вот жертва, а вот абьюзер, насильник, и насильники — это мы. Ваш мотив о том, что всё-таки мы не знаем всей правды — это чушь собачья, мы знаем всю правду. Это надо как-то объяснять. Даже в нашем окружении таких огромное количество, гораздо больше, чем тех, кто оказался такими радикалами как, ты и я.

— Чувствуется, что после начала войны все ещё находятся в растерянности, поскольку нету никакой правильной линии поведения. Получается что поддерживать насилие мы не можем, не хотим. Но у нас нету способа сопротивляться, и вот мы уехали. Люди говорили: вот я уеду и скажу всю правду. Человек уехал, сказал. Что-нибудь изменилось?

— Ну он же говорит это не чтобы судьба его страны вдруг после его слов радикально изменилась. Он говорит это для себя, он таким образом снял груз со своей

души. Многие наши с тобой знакомые политические деятели, находящиеся за рубежом, делают это в надежде, что их голос, их видение прекрасной России будущего сейчас начнет овладевать широкими народными массами. Я это делаю просто потому, что могу и хочу говорить. Я там это не мог делать, мне грозила тюрьма, если бы стал я это делать. Это жизненно важно, это мне настолько важнее, чем материальное положение, что никаких сомнений не было. Я могу свободно разговаривать и жить дальше, дыша полной грудью. Это стоит отказа от всего, что у меня было. Здесь тонны сил тратятся на бюрократию, на страховки, на подтверждение своих прав. Короче, куча всякого геморроя. Но я могу говорить, у меня не действуют вот эти вот тысячи внутренних пинов, которые работали у меня там: не дискредитировать, чтобы не попасть под такую-то статью и так далее. Чудовищную вещь скажу. В этом плане судьба моей несчастной страны, при всем том, что я всю жизнь старался сделать её лучше, для меня сейчас отходит безнадежно на второе место по сравнению с судьбой моих детей, это гораздо важнее.

— Ты сейчас сказал ужасную вещь. Получается мы пошли на потерю дома, чтобы сохранить себя, и это абсолютно понятный выбор. Но, слушай Миша, и всё? И больше ничего? Это означает, что никакой надежды нет, что всё, чем мы занимаемся после отъезда, — это сохранение себя и своих близких.

— А надежды особо нет на страну, но как я каждый раз, на каждом этапе говорю, что надежды нет, сохраняя эту надежду всё равно где-то внутри. Мы можем сколько угодно размышлять, а потом вдруг раз, какая-нибудь хрень, инопланетяне прилетят на Кремль, засосоут всех этих и улетят, вот может так это произойдёт. Я не знаю, но я ничуть не рефлектирую по поводу того, что основным мотивом было сохранить себя и своих родных. Да вот такой вот эгоистический мотив. Я имею на него право после того, сколько времени потратил на то, чтобы сохранить ту страну, которая мне нравилась, которую я любил, которая у меня была нарисована в голове как моя мечта, к которой я шёл всю сознательную жизнь и старался предложить людям: а вот есть это, а вот ещё есть такое, а вот ещё такая талантливая песня, а вот ещё такой замечательный фильм, а вот смотрите, как можно делать фестивали, всем будут радостно... Я делал это всю жизнь. И после того, как люди после всех этих моих усилий, благополучно приняли, что надо идти на войну и нападать на соседнюю страну, главным мотивом осталось сохранить себя и своих родных.